ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Минаева Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории и правового регулирования отечественных СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: olg-minaeva@yandex.ru

РАБСЕЛЬКОРЫ И ИХ ЗАДАЧИ В 1920-Х ГГ. ОПЫТ ЖУРНАЛОВ «РАБОТНИЦА» И «КРЕСТЬЯНКА»

В статье рассматриваются задачи рабселькоровского движения, которое активно развивалось в СССР в 1920-х гг. Опыт центральных партийных журналов для женщин в создании рабселькоровского движения интересен с точки зрения реализации задач, поставленных партийными органами перед всей системой пропаганды. Проанализированы документы ВКП(б) этого периода, в которых были определены цели и приемы работы с самодеятельными корреспондентами. Анализ публикаций журналов «Работница» и «Крестьянка» позволил собрать материал о том, как строилась работа по созданию сети рабочих и крестьянских корреспондентов среди женщин. Рассмотрены практики редакций, которые позволяли из малограмотных работниц и крестьянок готовить преданных советской власти журналисток. Рассмотренные материалы позволили сделать выводы о том, что движение выполняло как общие для системы пропаганды задачи (давать центральной власти информацию о настроениях и положении дел в регионах, оценивать достижения и просчеты пропагандистской работы), так и специфические – для работы печати (информировать об эффективности публикаций, расширении тематики прессы и другие).

Ключевые слова: *история советской печати, рабочие и сельские корреспонденты, женские журналы.*

Olga D. Minaeva, Doctor of Philology, Head of the Chair of History and Legal Regulation of Domestic Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: olg-minaeva@yandex.ru

WORKER-PEASANT CORRESPONDENTS AND THEIR TASKS IN THE 1920S. THE EXPERIENCE OF THE RABOTNITSA AND KRESTYANKA MAGAZINES

The purpose of this article is to consider the tasks of the worker-peasant correspondent movement, which developed in the USSR in the 1920s. The historical conditions of the establishment of the press by the Bolshevik Party are examined. Its peculiarity consists in the fact that in the 1920s the audience of the Soviet press was

almost illiterate. Despite this, great efforts were made to attract workers and peasants to work in the press as assistants. The analysis of the documents of the Bolshevik Party (including the interview of I.V. Stalin in 1924) made it possible to identify the tasks that were set before the worker-peasant correspondent movement. The study is based on the examination of the experience of the well-known women's magazines Rabotnitsa and Krestyanka, which actively created a network of their readers in the 1920s, who acted as non-professional journalists. As a result, the author of the article was able to collect data on how the editorial boards of these magazines trained non-professional journalists, what methods were used to attract them to work, what difficulties were overcome. The study made it possible to formulate some conclusions. Part of the tasks of the worker-peasant correspondent movement relates to the performance of the Soviet system of agitation and propaganda, created in the 1920s. This movement helped to create channels of communication between authorities and representatives of the people, it simultaneously formed and expressed public opinion. Part of the tasks of the movement relates to the operation of Bolshevik and Soviet newspapers and magazines. For example, it helps to evaluate the effectiveness and relevance of press publications.

Key words: *history of the Soviet press, worker-peasant correspondents, women's magazines.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2022.2149

Введение

В сложных условиях 1920-х гг., когда формировалась система партийно-советской прессы, возникло движение рабочих и крестьянских корреспондентов (рабселькоров). Цель данного исследования – рассмотреть методы работы центральных женских журналов «Работница» и «Крестьянка» по созданию широкого круга рабселькоров и задачи движения.

В 1920-е гг. партийно-советская пресса обращалась к малограмотным и неграмотным людям, имеющим весьма смутные представления о марксизме, коммунизме и целях новой власти. Пресса была (за очень редким исключением в годы нэпа) в руках убежденных коммунистов, которые должны были простым языком, максимально понятно для аудитории изложить свои взгляды и цели, привлечь на свою сторону людей разного возраста, различных национальностей, принадлежащих к разным социальным классам и т. п. В период нэпа, помимо финансовых проблем, постоянным спутником печати был дефицит кадров. Все эти факторы нужно иметь в виду, рассматривая историю рабселькоровского движения 1920-х гг.

О рабселькорах много писали в советскую эпоху[1], рассматривая движение как свидетельство тесной связи партии большевиков и народа. Современные научные трактовки более разнообразны: «можно говорить о феномене рабселькорства» (Сафонов, 2015: 81); рабселькоровское движение можно рассматривать как институт политического контроля (Веселовский, 2012: 66); печать «была призвана показать связь власти и трудящихся, восприимчивость власти к критике снизу», хотя «фактически письма в газету превращались в официальное обращение в компетентные органы» (Слезин, 2002: 545); движение рабселькоров было социокультурным феноменом (Хуако, Жаде, 2020: 73); рабселькоров можно считать «добровольными помощниками» редакций (Веселовский, 2013: 65), а прессу – инструментом массового медиаобразования (Евдокимова, 2020: 60), средством развития социальной активности и общественного диалога (Старкова, 2015: 68). Привлекают внимание работы, в которых рабселькоровское движение рассматривается в контексте исторических условий 1920-х гг. и задач региональной печати (Шитова, 2017; Якимов, 2008).

Выбор женских журналов связан с тем, что история этого типа партийной прессы мало изучена, хотя система печати для советских женщин в 1920–1930-х гг. активно развивалась, включала в себя около 100 периодических изданий, обращалась к значительной аудитории. Отдел по работе среди женщин (Женотдел) ЦК ВКП(б), руководивший центральными партийными журналами «Работница» и «Крестьянка», в значительной степени повлиял на освещение «женского вопроса» в партийно-советской печати в целом.

Рабселькоровское движение, как оно выглядит в истории журналистики, вызывает вопросы о его задачах и сомнения в том, можно ли было тысячи малограмотных людей быстро превратить в почти профессиональных журналистов. Цель данной статьи – на конкретном материале партийных женских журналов 1920-х гг. рассмотреть технологию развития рабселькоровского движения. Можно назвать следующие основные задачи исследования: провести анализ документов РКП(б) / ВКП(б) 1920-х гг., в которых затрагиваются вопросы организации и цели движения рабселькоров; рассмотреть практику женских журналов в работе с рабселькорами; выявить максимально широкий спектр задач рабселько-

ровского движения с точки зрения системы пропаганды в целом и работы редакций женских журналов в частности.

Цель и задачи исследования предопределили применение методов историко-типологического и проблемно-хронологического анализа. Они подразумевают как анализ доступных источников официального характера (документов РКП(б) / ВКП(б) 1920-х гг.), так и изучение конкретно-исторических условий выбранного периода и особенностей работы системы печати. Для сбора сведений по интересующим нас вопросам применялся постраничный просмотр подшивок женских журналов. Руководствуясь принципом объективности и историзма, автор рассматривал явления прошлого в их причинно-следственной связи и в историческом контексте, но с учетом современных оценок советского прошлого. Рабселькоровское движение рассматривается как сложное, многомерное явление, тесно связанное и с системой пропаганды в целом, и с работой редакций партийных женских журналов.

Движение рабселькоров в документах РКП(б) / ВКП(б) в 1920-е гг.

В начале 1920-х гг., когда началось формирование системы партийно-советской прессы, партийные органы неоднократно рассматривали различные аспекты функционирования и повышения эффективности системы печати. В 1921–1932 гг. более чем в десяти партийных документах о печати упоминалось движение рабселькоров и не менее семи документов посвящены конкретным задачам его развития.

В статье «Контроль масс и рабкоры», напечатанной в журнале «Рабочий корреспондент» в 1924 г., Н. К. Крупская, ссылаясь на труды В. И. Ленина, писала, что рабкор «помогает рабочей массе лучше понять коммунизм, научает массу «видеть», критиковать, осуществлять контроль»[2]. То есть подчеркивалась функция рабочего контроля над чиновниками-бюрократами, о которой писал Ленин.

Какие задачи движения рабселькоров были обозначены в партийных документах 1920-х гг. о печати?

- Сформулирована задача контроля за местными органами власти – «разоблачительный» характер «работы рабкоров,

который нужно связать с работой Центральной контрольной комиссии, рабоче-крестьянской инспекции и прокуратуры»[3].

- Разработан алгоритм работы печати и местных партийных комитетов с рабселькорами: «усилить вербовку селькоров», провести их учет и анкетирование, устраивать для них совещания, вести с ними индивидуальную переписку и инструктирование»[4].
- Определены методы работы с рабселькорами:
  – учет напечатанных заметок и запросов по ним в государственные ведомства, учет заметок, по которым начато следствие;
  – обсуждение в газете форм улучшения ее содержания с читателями;
  – своевременная публикация заметок рабселькоров;
  – организация клубов, библиотек для рабселькоров и читателей;
  – созыв уездных, городских и губернских совещаний рабселькоров[5];
  – комсомолу вменяли в обязанность вести воспитательную работу с юнкорами, потому что «движение приобрело громадный размах» (1925 г.)[6].

Очевидно, что эти и другие задачи не могли выполнить редакции газет и журналов, значительную их часть должны были взять на себя центральные и местные партийные комитеты.

В июне 1924 г. в журнале «Рабочий корреспондент» была опубликована беседа с И. В. Сталиным «О рабкорах», в которой названы «роли» или задачи рабселькоров как организованной силы: «выразитель и проводник пролетарского общественного мнения»; «неутомимый борец за улучшение нашего строительства»[7]; не только будущие журналисты или общественники, но «обличители недочетов нашей советской общественности» и борцы с этими недочетами; «командиры пролетарского общественного мнения»[8].

Рабселькор должен быть, по мнению Сталина, независим от учреждений и лиц, с которыми соприкасается в своей работе. С ним нужно вести воспитательную работу, а также обучать минимуму техники журналистики.

Особо отмечено, что рабселькорам нужно вырабатывать в себе чутье журналиста-общественника. Идейное руководство рабселькорами должны осуществлять «редакции газет, связанные с партией», «цензура корреспонденции должна быть сосредоточена в руках газет»[9].

Преследования рабочих и сельских корреспондентов Сталин называет «варварством, пережитком буржуазных нравов». Защищать рабселькоров должна газета, которая способна «поднять жестокую обличительную агитацию против мракобесия»[10].

Уже в 1925 г. в Постановлении ЦК РКП(б) «О рабселькоровском движении» отмечается, что более 150 тысяч рабселькоров объединены вокруг центральных и местных газет[11].

В 1926 г. рабселькоры названы «одной из форм рабоче-крестьянской общественности»[12], то есть они были потенциальными союзниками советской власти, полностью или отчасти включенными в политическую и экономическую сферы.

Рабселькоры рассматривались как «источник формирования кадров» журналистов (и даже кадров руководящих работников редакций), дефицит и низкий уровень подготовки которых отмечался в 1930 г.[13]

В 1931 г. задачи рабселькоров, сформулированные в партийных документах, несколько изменились. Если в 1920-х гг. они разоблачали «мелкие» недостатки, то в 1931 г. они должны «добиваться решительного улучшения качества работы всех звеньев государственного, хозяйственного аппарата, давать отпор классовым врагам и показывать достижения и победы соц.строительства»[14].

С января 1924 г. редакцией «Правды» издавался журнал «Рабочий корреспондент», с января 1925 г. он стал называться «Рабоче-крестьянский корреспондент», главным редактором его была М. И. Ульянова. В журнале обобщался опыт движения рабселькоров, публиковались рекомендации региональной прессе, как привлечь больше самодеятельных журналистов и помочь им.

М. И. Ульянова считается одним из основных организаторов рабселькоровского движения. В очерке «Жена. Сестра» М. Кольцов написал: «Мария Ильинична учит рабочий класс писать. Она вкладывает в перепачканную руку пролетария перо: – Пиши о себе!»[15]. В 1928 г. М. И. Ульянова написала брошюру «Вопросы

руководства рабселькоровским движением». Подобного рода брошюры для местной прессы издавались и в 1924, 1925, 1930 гг.[16] О рабселькоровском движении писали журналы отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) «Большевистская печать», «Вестник агитации и пропаганды», «Красная печать» и журнал «Журналист».

Подводя итоги анализа партийных документов и публикаций журналов отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), можно отметить, что разнообразные задачи рабселькоровского движения были достаточно четко сформулированы с самого начала его организации. Инициатором создания движения и его руководителем выступала партия большевиков и ее комитеты (от ЦК до местных комитетов).

Документы РКП(б) / ВКП(б) 1920-х гг. и статьи руководящих партийных изданий написаны сухим, бюрократическим языком, с употреблением новой лексики, принятой в среде партийных и советских деятелей: партвоспитание, политучеба, совработа, укомы (уездные комитеты) и губкомы (губернские комитеты), волорганизаторы (волостные организаторы), женотделы, женорганизаторы, охрана матмлада (материнства и младенчества), агитпропотделы, обслуживание широких масс печатью и т. п. Например, заголовок статьи «Задачи агитода»[17] из «Вестника агитации и пропаганды» означал «задачи отдела агитации». Возник целый ряд новых слов, называющих самодеятельных журналистов из народа: рабкоры, селькоры, военкоры, стенкоры, пионеркоры, аулкоры, копкоры (писали о кооперации). Соответственно, феминитивы – женкорка, рабкорка, селькорка, пионеркорка, юнкорка, стенкорка, делькорка (освещали работу делегатского собрания). Слова «рабкорша» и «стенкорша» не прижились, но в 1920-е гг. встречаются часто. Л. Сталь (с 1924 г. редактор журнала «Коммунистка») писала, что напрасно «товарищи начинают сочинять замысловатые названия типа «делькорок» и «копкорок»[18], но сама привычно писала: «рабселькорки».

Опыт центральных партийных женских журналов в создании и развитии рабселькоровского движения

Борьба за равноправие женщин была одним из важных направлений деятельности партийных и советских органов после Октябрьской революции. В 1919 г. в ЦК РКП(б) был создан отдел

по работе среди женщин[19] (далее – Женотдел), который участвовал в разработке большей части документов агитационно-пропагандистского отдела ЦК, конкретизируя общие задачи агитпропаганды применительно к женской аудитории[20].

Центральные партийные журналы «Крестьянка» (выходил с 1922 г.) и «Работница» (выходил с 1923 г.) играли роль «локомотивов» для региональной женской прессы, показывали, как нужно строить агитацию и пропаганду, оценивали эффективность работы печати, а также разрабатывали методы взаимодействия с аудиторией. Задачи «Крестьянки» и «Работницы», как центральных массовых пропагандистских журналов, были следующие: трансляция коммунистической идеологии на определенные группы женской аудитории, пропаганда новых ценностей; пропаганда идей женского равноправия; всемерное увеличение количества женщин, поддерживающих советскую власть; разъяснение политики партии и советского государства в целом и в «женском» вопросе в частности и др.

В 1924 г. на всесоюзном совещании заведующих женотделами были приняты тезисы по «агитпропработе». Было отмечено, в частности, что «рабкоры и селькоры возникают на местах исключительно самостоятельно», что местные женотделы не руководят их работой[21].

Л. Сталь в статье «Наша печать и участие в ней работниц и крестьянок» в 1925 г. четко сформулировала задачу женских журналов – стать «массовыми организаторами». Для этого она предлагала «увеличивать рост корреспондентов из среды работниц и крестьянок» и «ввести в редакции» группу работниц и крестьянок, участие которых в содержании журналов названо «недостаточно осязательным»[22]. То, что женские журналы заполняются статьями профессиональных журналистов (в том числе и самой Л. Сталь. – *О.М.*), признано недостатком. Превратить неграмотных женщин в журналистов предлагалось с помощью коллективных «читок» коммунистической прессы и участия женщин в кружках «друзей печати».

«Наш журнал «Работница» с большими усилиями выпестовал себе группки рабкорок. Они пишут, пишут с каждым разом все лучше. И все полнее отражают жизнь рабочего коллектива», – писала в 1924 г. в журнале «Красная печать» Ф. Нюрина, работница Женотдела ЦК. Она назвала важной задачу при-

влечь рабкорок не только в женскую, но и в стенную и прочую печать[23].

В таблице 1 приведены данные из «Работницы» о том, как менялось количество рабкоров в 1924 г.[24]

Таблица 1

Количество рабкоров «Работницы» в 1924 г.

	Количество рабкоров 1 января 1924 г.		**Количество рабкоров в декабре[25] 1924 г.**	
Производственницы	162	47,6 %	331	59,9%
Общественницы	50	14,6%	72	13,2%
Учащиеся	-	-	18	3,4%
Работники женотделов	129	37,8%	129	21,7%
Домашние хозяйки (жены рабочих)	-	-	8	1,8%
Всего	341	-	558	-

За 1923 г. – первый год выхода «Работницы» – редакции удалось привлечь 212 женщин-рабкоров. Через год очевиден резкий рост количества производственниц-корреспондентов «от станка». И в первом, и во втором столбце в общее число засчитываются работники женотделов.

В конце 1924 г. Ф. Нюрина написала в «Красной печати» о «Крестьянке», что журнал имел тираж 5 000, но это были не индивидуальные подписчики, а партийные организации, учреждения, библиотеки, избы-читальни и проч. Рост тиража, по мнению Ф. Нюриной, начался с 1924 г. за счет индивидуальных подписчиков: за год, с апреля 1923 по апрель 1924 г., количество писем выросло с 58 до 150, количество корреспондентов – до 450[26]. Очевидны противоречия в этом отчете: журнал получил гораздо меньше писем, чем было сельских корреспондентов, а тираж не рос и вырос в один и тот же год.

Поскольку в журналах Агитпропа и центральных женских журналах данные о количестве рабселькоров и тиражах приводятся хаотично, в таблице 2 собраны вместе все найденные данные за 1924–1932 г. Сведения о тиражах взяты из подшивок журналов.

Таблица 2

Сводные данные о количестве женщин-рабселькоров и тиражах центральных женских журналов

Год	Работница (вых.с 1923 г.)		Крестьянка (вых. с 1922 г.)	
	Количество рабкоров	Тираж	Количество селькоров	Тираж
1924 г.	341[27] (на 1 января) / 558[28] (конец 1924 г.)	От 45 000 до 100 000	450 (апрель 1924 г.)	5 000[29] 6 500[30] (конец 1924 г.)
1925 г.	558[31] (к началу года) / 746[32]	100 000	711[33]/ 825[34] / 956[35] (к концу года)	От 40 000 до 50 000
1927	Свыше 1 350[36]	165 000	1 632[37]	23 750 – 35 000
1929 г.	-	От 170 000 До 270 000	1 500[38]	От 50 000 до 75 000
1932 г.	3 700[39]	265 000 (600 000 спецномера)[40]	-	От 28 500 до 50 000

За первый год выпуска «Крестьянка» «получила едва 500 писем с мест. И большая часть из них от уездных работников женотделов, затем от волорганизаторов и меньше всего от самих крестьянок»[41]. К началу 1925 г. в «Красной печати» приводится цифра 711 корреспонденток у «Крестьянки», из которых 76% – делегатки, члены сельсоветов, нарзаседатели и т. д., 11% – работники уездных женотделов, 6% – сельские учительницы и 7% – «крестьянки от сохи, не втянутые еще в делегатские собрания»[42]. Итак, большинство рабселькоров к 1925 г. – делегатки-общественницы и работники женотделов.

Данные об общем количестве рабселькоров во всех женских журналах 1920-х гг. тоже противоречивы. В «Коммунистке» и «Красной печати», а также в Постановлении ЦК ВКП(б) «Об обслуживании печатью женских трудящихся масс» (1927 г.) приводятся такие цифры:

- 1925 г. – 2 811 рабселькоров[43] или в конце 1925 г. – 5 012[44]

- в конце 1926 г. – 8 500[45]
- в начале года – 12 500 рабкоров+8 000 селькоров=20 500 рабселькоров[46], в конце 1927 г. – приблизительно 5 000 рабкоров и селькоров[47].

В целом ясно, что количество рабселькоров в женских журналах растет, хотя и медленно. Отделу печати ЦК было поручено изучить опыт женских журналов, он был в целом положительным, но участие женщин в «общей» печати было названо «слабым»: всего 9% рабкоров и 6% селькоров[48].

Интересен вопрос о том, влиял ли рост числа рабселькоров на рост тиражей женских журналов.

Тиражи определялись директивно, т. е. партийными органами. На протяжении 1920–1930-х гг. тиражи «Работницы» и «Крестьянки» пытались поднимать без учета спроса – в надежде, что удастся их распространить. Юбилейные или праздничные номера (8 марта, 1 мая, 7 ноября) выпускались бóльшим, чем обычно, тиражом. Затем приходилось возвращаться к прежним цифрам. Задача распространения партийной прессы ставилась перед местными партийными комитетами как один из критериев эффективности их работы. Распространителями были агитаторы и книгоноши, партийные ячейки, например на заводах.

Конечно, редакции тоже отвечали за то, чтобы привлекать читателей. Кампании за повышение тиражей проводились постоянно. И все же в 1937–1941 гг. тираж «Работницы» удалось стабилизировать на цифре в 400 000 экземпляров, а тираж «Крестьянки» – 300 000. Повышали ли тиражи женщины-рабселькоры? До какой-то степени: они выписывали журналы, часто выступали «читчиками», агитаторами.

Однако задачи рабселькоровского движения лежали в другой плоскости. Очевидно, что редакциям приходилось вести большую работу с текстами писем и заметок, которые присылали самодеятельные журналисты. Вопрос был не только в количестве рабселькоров и качестве их корреспонденций, но и в том, что они из себя представляли. Так, например, в заметке о Всесоюзной конференции читательниц «Работницы» отмечено, что журнал «выращивает активисток, группирует их вокруг партии»[49]. Именно поэтому с ними работали не только редакции газет и журналов, но и местные партийные агитаторы, организаторы женского движения, борьбы с неграмотностью, с религией и т. п.

Пять шагов от письма в журнал до рабселькора

В первые годы своего существования «Крестьянка» и «Работница» обращались в каждом номере (в рубрике «Почтовый ящик») к читательницам с просьбой написать, что нравится читать, о чем еще хотелось бы узнать и т. д. Публиковали и рассылали анкеты для читательниц, устраивали заочные «суды» по важным темам, обещали гонорар за публикацию или подписку на журнал. В «Почтовом ящике» помещались как письма, так и ответы редакции на почту. Постепенно пошел «ручеек» писем в редакции.

«Я сначала не могла поверить, что на мою анкету прислали ответ, – написала в «Крестьянку» читательница. – Но теперь я вполне убедилась, что там, в центре, думают и заботятся о нас, я теперь вполне уверена и твердо могу сказать, что власть наша – рабоче-крестьянская»[50].

Из воспоминаний журналистов «Крестьянки»: «В первое время существования журнала чрезвычайно тяжело приходилось в отношении налаживания связи с крестьянками. Крестьянки не писали ни в газеты, ни в журналы <...> На первых порах была использована Всесоюзная сельскохозяйственная выставка <...> съезд ли советов, комитетов взаимопомощи, то или другое совещание, поездка в провинцию инструкторов – все использовалось для создания актива крестьянок вокруг журнала <...> Путем кропотливой работы по завязыванию связей, путем вдумчивого, внимательного отношения к каждой записочке из деревни, путем обязательных дельных ответов на вопросы тов. Куйбышева создала довольно крупную организацию селькорок вокруг журнала. Мало было призвать крестьянок писать, надо было научить их, о чем и как писать <...> Помимо заметок в «Почтовый ящик», помимо «ответов на вопросы», в деревню ежедневно летит ряд писем, отвечающих на заметки, статьи, дающая указание, как писать, как сообщать журналу кусочки живой жизни»[51].

Итак, *первый шаг* читательницы – написать в журнал. Конечно, эти письма были малопригодны для печати, и это заметно в рубрике «Почтовый ящик» (1923–1924 г.), в которой переписка не связана с содержанием журналов. «Личные» отношения читательниц со своими журналами – это важная особенность женской прессы. «Надо сказать, что у работницы любовное отношение к своему журналу»[52], – замечает автор отчета о читательской конференции «Работницы». «Еще тысячи раз, – пишут читательницы «Крестьянки», – благодарим вас за журнал и за ваше предложение

быть корреспонденткой вашего журнала, каковое звание принимаем с очень и очень великой радостью и с большой гордостью»[53]; «Когда мне попал в руки журнал – невольно слезы на глаза навернулись. Для нас журнал издается <...> Нас просят писать...»[54].

Вот типичное письмо: «...стала думать, как бы это мне написать в «Крестьянку» о своей жизни. Сейчас сначала-то трудно писать. Сяду, думаю, думаю, чтобы написать-то, да в голове путается. А писать хочу. Буду, как умею писать, а там научусь, да и сам-то журнал меня научит. А редакцию-то прошу почаще мне писать письма, с указанием, как и что писать. Ох, хоть бы научиться писать. Прилети ко мне «Крестьяночка»»[55].

Л. Каган, сотрудница женотдела Московского городского комитета партии, написала в 1928 г. брошюру «Работница и печать (как организовать работу печати среди работниц на производстве)». В этой брошюре описан опыт московского журнала «Делегатка», который по качеству мало в чем уступал центральным журналам. В предисловии автор подчеркивает, что основная проблема женщин – неграмотность (1928: 10).

Л. Каган перечисляет типичные причины, по которым работницы «не идут в рабкорки»: нет времени, дома забот хватает; в прошлом писала – не напечатали, не ответили; малограмотность; «напишешь» на мастера или других работниц – на тебя волком смотрят; пусть молодые пишут (Там же: 17).

Вывод автора: «Огромное значение имеет терпеливое разъяснение вопроса. Доводы: стараешься за свое близкое, важное дело. Малограмотность – редакция разберет, подправит и напечатает, если деловая заметка. Заметку можно продиктовать. Надо объяснять, почему не напечатали (мало фактов, факты мелкие, характерны для стенгазет)» (Там же: 18).

Еще пример переписки редакции и читательницы: «Журнал “Работница” это наша гордость, он говорит о том, что женщина равноправна, как и мущина, она завоевала себе свободу и может иметь свой родной журнал “Работница” и писать в него <...> Не читая журнала, каждой женщине кажется недоступным писать в газету, но прочитав его, как-то инстинктивно влечет быть корреспондентом, писать в газету, в особенности в свой родной журнал, зная, что тебя не осмеют, если не особенно грамотно написано. Журнал – это *азбука* вновь начинающих рабкорок»[56]. То есть *второй шаг*, чтобы стать рабселькором, – начать постоянно читать женские журналы.

В обоих журналах появляются слова «рабкорка» и «селькорка» в позитивном контексте, но не объясняется, что они означают. Вот пример частушки из «Крестьянки»:

На загоне спеет рожь,
За загоном горка.
Меня, Ваня, не тревожь:
Я теперь селькорка...[57]

В стихотворении «Рабкорка» рассказывается, как работница после смены спешит домой, перебирает в мыслях, какие дела нужно сделать:

Пора б и спать. Она ж садится, пишет
О том, что у станка продумано, в журнал.
Не слышит, как часы тенями в ночь уходят.
Набегавшись за день, ее ребята спят.
Как на письме к любимому выводит:
«Работнице», Тверская, номер пять...
Ей вспомнится ликбез и первая заметка, –
Да разве радость эту передашь?
И как с тех пор по вечерам заветным
Товарищем ей стал любимый карандаш.
Как в перерыв работницы, собравшись,
Статейку вслух прочтут при ней...[58]

В этом стихотворении четко указано, что ликбез – *третий шаг* работницы и крестьянки к сотрудничеству с журналом. Хотя логичнее, чтобы именно с обучения грамоте начиналась история знакомства женщины с журналом. Однако ждать победы над безграмотностью партийные идеологи не собирались, ведь система агитации и пропаганды была нацелена в основном на устное взаимодействие с неграмотными людьми.

Редакции женских журналов и женотделы местных партийных комитетов, как и депутатские собрания, занимались организацией на предприятиях, в сельсоветах, в библиотеках «читок» с обсуждением интересных публикаций. Решалась также задача подробного объяснения политики партии в социальной сфере и в «женском вопросе». Одной из задач «Работницы» и «Крестьянки» было взаимодействие с партийными агитаторами на местах. Журналы корректировали их работу, определяли актуальные задачи пропагандистской работы среди женщин, снабжали материалами с примерами «правильной» постановки вопросов.

В приведенном выше стихотворении пропущен один важный этап становления рабкора. «Читатель, подписчик и рабочий корреспондент... Эти три ступени должны пройти все», – писала «Работница» в 1923 г.[59] Задача из каждой читательницы сделать подписчицу стояла перед всеми женскими журналами, подписка на женский журнал – *четвертый шаг* становления самодеятельного корреспондента.

Женские журналы постоянно вели борьбу за то, чтобы всех читательниц сделать подписчицами, публиковали призывы подписываться самим и «вербовать» подруг и знакомых, книгоноши рекламировали женскую прессу на предприятиях.

В «Работнице» в 1924 г. был опубликован ответ Ржевскому Женотделу: «Нам нужно добиваться того, чтобы, во-первых, рабкорки не выделялись (женотделом. – *О.М.*), а добровольно втягивались в работу, а во-вторых, жизнь и быт работниц должны освещаться самими работницами, а отнюдь не со стороны»[60]. Женщины-рабселькоры нужны для достоверности и убедительности публикаций – это очевидно. Письма отражали также изменения в сознании читательниц, рассказывали, что происходило в разных концах страны, а также давали возможность оценить эффективность работы журналов в пропаганде идей равноправия и вовлечения женщин в общественную и другие сферы. Рабселькоры становились лучшими агитаторами за политику советской власти и равноправие среди женщин.

Был ли полноценным диалог партийных женских журналов с аудиторией? Изучение писем показывает, что рабселькоры повторяют лозунги и целые фразы из публикаций журналов. Нужно учесть, что язык печати, плакатов, собраний стал постепенно языком народа и формировал систему новых ценностей, письма отражали этот процесс.

Почта редакций давала представление о желаниях и чаяниях аудитории. Можно предположить, что письма заставляли больше объяснять и убеждать, искать аргументы, когда определялись спорные темы. Но запросы аудитории не определяли содержание женских журналов. Наоборот, рабселькоры были агитаторами за те идеи и ценности, которые продвигались в журналах.

О чем журналы просили писать читательниц в рубрике «Почтовый ящик» в 1924 г.? Вот выдержки из разных номеров «Работницы»: пишите о том, как провели работницы свой отпуск «в деревне, в доме отдыха, на курорте, в экскурсиях», «как работницы помогают поднять производительность труда и как они там рабо-

тают, об участии работниц в культурно-просветительной работе, воспоминания о Октябрьской революции, о делегатках, о смычке (с деревней. – *О.М.*)», «занимаются ли работницы спортом», пишите «о стенкорках и рабкорках, сколько их на вашем предприятии, о делегатках женотдела и о их работе в секциях совета», «шлите материал об участии в производстве и в частных предприятиях, мастерских, об участии работниц в спортивных кружках», «пишите о жизни жен рабочих, о домашней прислуге» и т. д. Темы сформулированы не очень конкретно, много сложных по значению слов, не ясно, что именно нужно писать на эти темы.

В стихотворении Н. Ладынина «Токариха» (редкий феминитив!) не очень удачные рифмы, но автор наглядно показывает, как рабкор находит темы для публикаций:

За моим станком напротив –
Быстроглазка-токариха.
От работы лоб свой вспотив,
Стружки в ящик сыплет лихо.
Целый день в шутливом тоне,
Улыбается, гуторит,
Всех и каждого затронет,
Обо всем поговорит...
Про собрание услышит,
Спросит живо: А о чем
На повестке нынче пишут?
И заспорит горячо...
Чуть услышит, что не ладно,
Матершиной кто «кройнет»,
Вмиг напишет, хоть нескладно,
И в газету отошлет...[61]

В «Работнице» в статье «Наш журнал и наши рабкорки»[62] (в начале 1925 г.) подчеркивалось, что «связи через письма» стало мало, «явилось необходимостью установить живую связь с журналом через кружки рабкоров и «Друзей Рабочей газеты»[63], которые имеются на местах»[64]. Они учили малограмотных людей выбирать тему, отбирать факты для заметки, логично выстраивать текст. *Пятый шаг* – участие в кружках «друзей печати», кружках рабкоров, в стенгазетах своих предприятий, в региональных и всероссийских совещаниях, в делегатских собраниях и во всех возможных формах общественной работы. Празднование Дня печати 5 мая было превращено в «праздник рабкора и рабкорки»[65]. Активное расши-

рение круга «женкорок» происходило на всех совещаниях, съездах, слетах и собраниях «Друзей печати». Местные женотделы выдвигали активисток-общественниц в рабселькоры[66]. «Мне очень хочется писать в журнал, но я не умею. Прошу редакцию научить меня писать», – типичный отклик на такую кампанию «Работницы»[67].

Поощряли женщин-корреспондентов разными способами. В 1933 г. был объявлен сбор денег на самолет[68], названный «Орденоносная «Работница», на нем катали стахановцев и рабселькорок[69]. Эскадрилья «крылатых агитаторов» имени М. Горького участвовала во многих агитационных проектах. Возглавлял эту эскадрилью М. Кольцов – энтузиаст авиации, известный журналист и опытный пропагандист.

В начале 1930-х гг. в связи с изменением задач системы пропаганды, связанным с процессами модернизации, количество газет и журналов, их тиражи значительно увеличились, как и количество рабселькоров. Если в 1928 г. выходило 1 197 газет, то в 1930 г. их стало 3 000, в 1931 – 5 359, в 1933 г. – 8 319, а в 1934 г. – 10 668. Разовый тираж только газет, не считая журналов, с 9,4 млн экз. в 1928 г. увеличился до 34,7 млн экз. в 1934 и до 38 млн экз. в 1939 (Минаева, 2018: 178). Естественно, увеличилось и количество рабселькоров.

В учебнике для студентов Всесоюзного Коммунистического института журналистики (1934 г.) работе с рабкорами посвящена целая глава. Например, приведен такой опыт: «Редакция газеты “Правды”, например, тщательно следит за социальным составом ее ударников, идет на нужные в данный момент предприятия-колхозы, совхозы и МТС – и там вербует ударников, сохраняя полностью принцип добровольности. Редакция заводит на своих ударников анкеты или карточки, учитывая <...> и его роль на производстве, и в общественной жизни. Она стремится иметь не просто количество рабселькоров, а их на каких-то конкретных участках народного хозяйства»[70]. С рабселькорами и в 1930-е гг. продолжали вести активную работу: съезды и совещания (от уездных до центральных изданий), литературная учеба и кружки, «день рабкора» в редакции, «коллективное рабкорство низовых газет» и т. д.

Есть несколько публикаций о том, как «Крестьянка»[71] и «Работница»[72] посылали своих рабселькорок на учебу в ГИЖ. Таких женщин было немного, журналы рассказывали о том, как сложно

и интересно им там учиться. Активно публиковалась в обоих журналах выпускница ГИЖа и в прошлом рабкорка Е. Чернышева. Она автор репортажей, очерков и стихотворений[73].

Какие трудности были у рабселькоров, разоблачавших местную власть

По публикациям «Работницы» и «Крестьянки» создается впечатление, что рабселькорам предлагали достаточно широкий выбор тем, в первую очередь связанных с положением женщин на производстве, в деревне и в семье. Но задача бороться с недостатками местной власти была более понятна, привлекательна и актуальна.

Вот, например, стихотворение «О селькорке Наташе и о кулацких шашнях» из «Крестьянки» 1925 г. Она была «для кулаков в глазу бельмо», потому что «в газетах часто тянет того, кто путь кривит прямой»[74]. В длинном стихотворении рассказано, как кулак Ермила «обжулил» батраков, добыл себе лучшую пашню: «подмазал» секретаря, которого после разоблачений Наташи сняли с должности, а самогонщика Никиты она «пропечатала портрет». Фигуранты публикаций собрались на совет: самогонщик предлагает «нацелить на нее обрез», «побить», но решили, что надежнее будет выдать ее замуж, чтобы муж «ей воли не давал».

Автор «Работницы» сформулировала свою задачу четко: «Вся моя мечта и желание направлены к тому, как бы больше вскрыть массу темных проделок посредством печати»[75].

Не удивительно, что в журналы попадали (хотя и редко) истории реальных преследований рабселькоров за их «разоблачения». Причем в таких историях местная власть обычно не поддерживает «обвинения» или активно борется с их авторами.

О деле селькора Дарьи Смирновой[76] – колхозницы из Татарской автономной области – писала «Крестьянка» в 1934 г. Дарья «подмечала все, что делалось в колхозе и сельсовете, и о всех творимых там безобразиях и кулацком засилье» (пьянство председателей колхоза и сельсовета, сокрытие хлеба своих родственников-единоличников, кража 20 пудов колхозного хлеба и т. д.) сообщала в журнал. Райком партии и местный партийный комитет Смирновой не помогали, а жалобы селькора поручали рассматривать тем, на кого она жаловалась. Активистку исключили из колхоза и всячески третировали. Журнал обратился в обком ВКП(б) Татарии,

который провел проверку и установил, что все факты, о которых сообщала Смирнова, верны. В результате были исключены из партии и сняты с работы руководители сельсовета и колхоза, работники райкома партии (особенно сотрудница женотдела) получили партийные взыскания. Это не единственный пример того, как преследовали селькоров, критиковавших местные власти[77]. И только женские журналы своими обращениями в центральные органы власти (включая Верховный суд) могли защитить своих корреспондентов и добиться справедливости.

В партийных документах, в печати постоянно подчеркивалось, что рабселькоры находятся под защитой советской власти, их поддерживает пресса. Прокурор Верховного суда, а с 1935 г. прокурор СССР А. Я. Вышинский написал статью для журнала «Журналист» (1925 г.) о правовом статусе журналистов и рабселькоров[78]. Он призвал местные власти проявлять «политически обоснованный подход», не особо карая рабселькора за недостоверную заметку, так как «понятие об ответственности может стать резиновым, слишком растяжимым в руках законника-формалиста»[79].

А. Я. Вышинский писал: «Оскорбляя кулака, селькор не имеет намерения “ущемить” именно конкретного Ивана Ивановича, а ему важно уничтожить его как кулака (как классового врага)»[80]. «Наше право» – это способ осуществления пролетарской диктатуры, целесообразность карать то, что вредно для государства. Поэтому рабселькоры не могут считаться обычными гражданами, они должны рассматриваться как «должностные лица республики», а покушение на них должно караться как контрреволюционное преступление высшей мерой наказания.

Заключение

На основании изученных документов ВКП(б) и анализа опыта партийных женских журналов «Работница» и «Крестьянка» можно сформулировать следующие выводы.

Пропагандистский аппарат ВКП(б) создавал рабселькоровское движение, руководил им и формулировал его задачи. Поэтому обоснованным представляется разделение задач рабселькоровского движения на две группы: с одной стороны, это задачи первостепенные, напрямую связанные с системой агитации и пропаганды в целом, с другой – локальные задачи участия рабселькоров в печати.

В системе пропаганды 1920-х гг. печатная пресса играет важную, но не основную роль, являясь частью системы, ориентированной в первую очередь на устную пропаганду. Публикации являются источником материалов и аргументов для агитаторов, работой которых руководили партийные комитеты.

Движение рабселькоров можно рассматривать как наиболее быстрый и эффективный способ пропаганды коммунистической идеологии, привлечения целевой аудитории (рабочих и крестьян) на сторону советской власти, формирования и развития образа народной власти и т. п.

Общие задачи рабселькоровского движения с точки зрения системы пропаганды в целом:

- помогать центральной власти получать информацию о настроениях и положении дел в регионах;
- показывать настроения аудитории, достижения прессы и просчеты пропагандистской работы ВКП(б);
- показывать примеры активной, деятельной поддержки советской власти со стороны рабселькоров;
- принимать активное участие во многих общественно-политических структурах (фабричных и заводских комитетах, комсомольских и партийных ячейках, сельских советах, женсоветах и т. п.);
- быть «проводниками» политики партии среди рабочих и крестьян, «сознательными борцами за проведение в жизнь всех очередных задач, поставленных партией и советами»[81];
- осуществлять контроль за местными органами власти и разоблачать их преступления и ошибки;
- обличать недостатки советского общества и бороться за его улучшение;
- быть не только выразителями, но и «командирами» общественного мнения, то есть формировать его;
- отражать жизнь трудовых коллективов;
- агитировать за подписку на газеты и журналы.

Специфические задачи рабселькоров с точки зрения работы печати:

- показывать эффективность воздействия партийно-советской прессы на аудиторию, выделяя правильно поставленные темы и просчеты редакций;
- расширять тематику газет и журналов, снабжать редакции новой информацией;

- быть примером нового образа жизни общественника;
- быть источником кадров журналистов, дефицит которых отмечался в партийных документах;
- выполнять функцию агитаторов: рассказывать о журналах и газетах, устраивать «читки», отвечать на вопросы, объяснять политику советской власти и непонятные слова,
- формировать постоянную аудиторию читателей и подписчиков партийно-советской прессы;
- повышать достоверность и убедительность публикаций в женских журналах и в печати в целом;
- «вербовать» новых рабкоров, помогать малограмотным написать заметку.

В 1920-х гг. предпринимались попытки создать каналы коммуникации органов власти и народа, сформировать институты гражданского общества и обеспечить широкое участие населения в них, рабселькоры должны были одновременно формировать и выражать общественное мнение. В силу ряда исторических причин были выполнены далеко не все задачи, которые ставились перед движением рабселькоров, а потребность в рабселькорах постепенно снижалась – и в системе пропаганды, и в работе редакций.

Примечания

[1] Работа с рабселькорами. М.: Госполитиздат, 1959; *Пельт В. Д.* М. Горький и рабселькоры. М.: Изд-во МГУ, 1968; *Алферов В. Н.* Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР. М.: Мысль, 1970; *Корконосенко С. Г.* Рабселькоровское движение как проявление демократизации социалистического общества (по материалам газет Ленинградской области. 1971–1975 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979 и др.

[2] *Крупская Н. К.* Контроль масс и рабкоры // *Крупская Н. К.* Будем учиться работать у Ленина: сб. статей. М.: Партиздат, 1933. С. 153–155.

[3] О рабочей печати. Постановление оргбюро ЦК РКП(б) (1924 г.) // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1987. С. 218.

[4] О крестьянской печати. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) (1924 г.) // Там же. С. 220.

[5] О формах связи газет с рабочими и крестьянскими читателями. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) (1924 г.) // Там же. С. 221.

[6] О работе комсомола в области печати. Постановление ЦК РКП(б) (1925 г.) // Там же. С. 231.

[7] *Сталин И. В.* О рабкорах: беседа с сотрудником журнала «Рабочий корреспондент» // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 261–263.

[8] Там же. С. 262.

[9] Там же. С. 262.

[10] Там же. С. 263.

[11] О рабселькоровском движении. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) (1925 г.) // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1987. С. 229.

[12] Об очередных задачах партии в области рабселькоровского движения. Постановление ЦК ВКП(б) (1926 г.) // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1987. С. 238–239.

[13] О кадрах газетных работников. Постановление ЦК ВКП(б) (1930 г.) // Там же. С. 255.

[14] О перестройке рабселькоровского движения. Постановление ЦК ВКП(б) (1931 г.) // Там же. С. 261.

[15] *Кольцов М.* Жена. Сестра // Работница. 1924. № 5. С. 4–5.

[16] Рабкор и стенная газета. М.: Новая Москва, 1924; Итоги и перспективы рабселькоровского движения. Астрахань, 1925 и др.

[17] Вестник агитации и пропаганды. 1920. № 3. С. 25.

[18] *Сталь Л.* Наша печать и участие в ней работниц и крестьянок // Коммунистка. 1925. № 3. С.24.

[19] Название отдела несколько раз несущественно изменялось.

[20] См., например: Основные положения о производственной пропаганде среди работниц // Вестник агитации и пропаганды. 1920. № 3. С. 11–12; Что дал Октябрь работнице и крестьянке (Тезисы для агитаторов) // Вестник агитации и пропаганды. 1920. № 2. С. 27–28.

[21] Тезисы по агитпропработе в городе, принятые на всесоюзном совещании зав. женотделами // Коммунистка. 1924. № 3. С. 28–30.

[22] *Сталь Л.* Наша печать и участие в ней работниц и крестьянок // Коммунистка. 1925. № 3. С. 23.

[23] *Нюрина Ф.* Рабкорка // Красная печать. 1924. № 21–22. С.4.

[24] Работница. 1925. № 2. С. 28.

[25] Так в оригинале.

[26] *Нюрина Ф.* Печать работниц и крестьянок к 7-й годовщине // Красная печать. 1924. № 35. С. 59.

[27] Работница. 1925. № 2. С. 27.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Тираж указан в журнале.

[31] Наш журнал и его читательницы // Работница. 1928. № 1. С. 16.

[32] *Сталь Л.* О работе с рабкорами// Коммунистка. 1925. № 5. С. 33.

[33] Красная печать. 1925. № 6–7. С. 8.

[34] *Сталь Л.* О работе среди рабкорок и селькорок// Красная печать. 1925. № 17–18. С. 33.

[35] Крестьянка. 1927. № 9. С. 3.

[36] Наш журнал и его читательницы // Работница. 1928. № 1. С. 16.

[37] Крестьянка. 1927. № 9. С. 3.

[38] *Торская Н.* Даешь 200-тысячный тираж // Крестьянка. 1929. № 9. С. 3.

[39] Работница. 1933. № 3. С. 23.

[40] Тиражом 600 000 экз. выпущены номера 6 и 30 (спецномера: к 8 марта и 15-летию Октябрьской революции).

[41] За год работы // Крестьянка. 1923. № 10. С. 5.

[42] Красная печать. 1925. № 6–7. С. 8.

[43] *Сталь Л.* О работе с рабкорами // Коммунистка. 1925. № 5. С. 33.

[44] Об обслуживании печатью женских трудящихся масс. Постановление ЦК ВКП(б) (1927 г.) // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1987. С. 245.

[45] Там же.

[46] *Торская Н.* На фронте рабселькорок // Коммунистка. 1927. № 4. С. 15–16.

[47] *Заславская Е.* Задачи женской печати // Коммунистка. 1928. № 1. С. 23.

[48] Об обслуживании печатью женских трудящихся масс. Постановление ЦК ВКП(б) (1927 г.) // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1987. С. 245.

[49] *Подсотская А.* От агитации к организации // Коммунистка. 1928. № 1. С.26.

[50] Крестьянка. 1924. № 6. С. 33.

[51] Крестьянка. 1926. № 3. С. 7.

[52] Работница. 1928. № 4. С. 6.

[53] Крестьянки о «Крестьянке» // Крестьянка. 1925. № 1. С. 24.

[54] За год работы // Крестьянка 1923. № 10. С. 5.

[55] Крестьянки о «Крестьянке» // Крестьянка. 1925. № 1. С. 24.

[56] *Ильина Е.* Азбука рабкорок // Работница. 1924. № 15. С. 29.

[57] Крестьянка. 1927. № 6. С. 17.

[58] *С. Л.* Рабкорка // Работница. 1928. № 47. С. 11.

[59] *Сирота Н.* Почему я стала рабкором // Работница. 1923. № 8. С. 3.

[60] Работница. 1924. № 24. С. 32.

[61] *Ладыгин Н.* Токариха // Работница. 1925. № 7. С. 4.

[62] Работница. 1925. № 2. С. 28.

[63] «Работница» в этот период издавалась в издательстве «Рабочей газеты».

[64] Работница. 1925. № 2. С. 28.

[65] День печати – праздник рабкора и рабкорки // Работница. 1926. № 8. С. 8.

[66] Почтовый ящик // Работница. 1924. № 1. С. 32.

[67] Научите писать в журнал // Работница. 1932. № 1. С. 32.

[68] Строим самолет «Работница» // Работница. 1933. № 4. С. 9.

[69] *Поляков А.* «Орденоносная Работница» на боевом посту // Работница. 1936. № 31. С.16.

[70] Редактирование и массовая работа большевистской печати: учеб. пособие / под ред. *В. Ноделя*. М.: ВКИЖ, 1934. С. 295.

[71] Крестьянка. 1926. № 3. С. 11.

[72] Работница. 1925. № 24. С. 8–9; 1926. № 8. С. 8–11.

[73] Работница. 1923. № 4. С. 2; 1925. № 2. С. 13, № 24. С. 9; 1926. № 8. С. 11;1927. № 32. С. 19; № 34. С. 5–6; 1928. № 1. С. 10; № 8. С. 4; №12. С. 7; 1932. № 6. С. 32; № 7. С. 10; № 9. С. 31; 1941. № 13. С. 12; № 14. С. 6–7 и др. Крестьянка. 1927. № 13. С. 12; № 15. С. 4 и др.

[74] Архип. О селькорке Наташе и о кулацких шашнях // Крестьянка. 1925. №13. С. 12-13.

[75] *Сирота Н.* Почему я стала рабкором // Работница. 1923. № 8. С. 3.

[76] Дело селькорки Смирновой // Крестьянка. 1934. № 10. С. 13.

[77] Крестьянка. 1934. № 9. С. 14; № 11. С. 14.

[78] *Вышинский А. Я.* Печать, закон и корреспонденты // Журналист. 1925. № 1. С. 4–6.

[79] Там же. С. 4.

[80] Там же. С. 5.

[81] Крестьянка. 1932. № 10. С. 17.

Библиография

Веселовский А. Г. Действенность рабселькоровских заметок и «сигналов» в 1920-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. Вып. 7 (111). С. 65–71.

Веселовский А. Г. Первые шаги рабселькоровского движения (по материалам тамбовских газет первых лет советской власти) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. Филологические науки. 2013. № 3. Т. 1. С. 65–68.

Евдокимова Е. В. Журнал как инструмент массового медиаобразования целевой аудитории и потенциальных авторов в 1920-е годы (на примере издания «Сибирский рабселькор) // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19. № 6. С. 59–69. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-59-69

Каган Л. Работница и печать (как организовать работу печати среди работниц на производстве). М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

Минаева О. Д. История отечественной журналистики. 1917–1945: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2018.

Сафонов Д. А. Рабселькоры как явление советской действительности 1920–1930-х годов // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. 2015. № 2. С. 80–91. Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2015/articles/Safonov_D2-14.html (дата обращения: 12.04.2022).

Слезин А. А. Рабселькоровское движение: неизвестная грань // Вестн. Тамбов. гос. тех. ун-та. 2002. Т. 8. № 3. С. 544–548.

Старкова Г. И. Стенные газеты как форма проявления и средство развития социальной активности молодежи Удмуртии в 1920-е гг. XX века // Ученые записки Казан. гос. ун-та. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 2. С. 191–201.

Старкова Г. И. Довоенная молодежная пресса Удмуртии в контексте общественного диалога // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2015. № 5. С. 66–76.

Хуако З. Ю., Жаде З. А. Рабселькоровское движение советского периода в российской журналистике как социоисторический и социокультурный феномен // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. 2020. № 2 (259). С. 73–85.

Шитова А. А. Рабселькоровское движение, стенные и «живые» газеты 1920-х гг.: организация и мотивация деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (85). С. 204–208.

Якимов О. Д. Рабселькоровское движение в национальных регионах Восточной Сибири: генезис и трансформация // Вестн. Якут. гос. ун-та. 2008. Т. 5. № 4. С. 27–35.

Notes

Alferov V. N. (1970) *Vozniknovenie i razvitie rabsel'korovskogo dvizheniya v SSSR* [Emergence and Development of the Worker-Peasant Correspondent Movement in the USSR]. Moscow: Mysl' Publ.

Arkhip (1925) O sel'korke Natashe i o kulatskikh shashnyakh [About Worker-Peasant Correspondent Natasha and About the Kulak Love Affair]. *Krest'yanka* 13: 12–13.

Chto dal Oktyabr' rabotnitse i krest'yanke (Tezisy dlya agitatorov) [What the October Revolution Granted Women Workers and Women Peasants (Theses for Agitators)] (1920) *Vestnik agitatsii i propagandy* 2: 27–28.

Delo sel'korki Smirnovoy [The Case of Worker-Peasant Correspondent Smirnova] (1934) *Krest'yanka* 10: 13.

Den' pechati – prazdnik rabkora i rabkorki [The Press Day, the Feast of the Worker Correspondent and Woman Worker Correspondent]. (1926) *Rabotnitsa* 8: 8.

Il'ina E. (1924) Azbuka rabkorok [ABC of Women Worker Correspondents]. *Rabotnitsa* 15: 29.

Itogi i perspektivy rabsel'korovskogo dvizheniya [Results and Prospects of the Worker-Peasant Correspondent Movement] (1925) Astrakhan': b.i.

Kol'tsov M. (1924) Zhena. Sestra [Wife. Sister]. *Rabotnitsa* 5: 4–5.

Korkonosenko S. G. (1979) *Rabsel'korovskoe dvizhenie kak proyavlenie demokratizatsii sotsialisticheskogo obshchestva (po materialam gazet Leningradskoy oblasti. 1971–1975 gg.)*: avtoref. dis. ... kand ist. nauk [The Worker-Peasant Correspondent Movement as a Manifestation of Democratization of the Socialist Society: a Case Study of Newspapers in the Leningrad Region. 1971–1975: extended abstract of PhD hist. sci. diss.] Leningrad.

Krasnaya pechat' (1925) No 6–7: 8.

Krest'yanka (1924) No 6: 33.

Krest'yanki o «Krest'yanke» [Women Peasants About the Krestyanka Magazine] (1925) *Krest'yanka* 1: 24.

Krest'yanka (1926) No 3: 11.

Krest'yanka (1927) No 6: 17.

Krest'yanka (1932) No 10: 17.

Krest'yanka (1934) No 9: 14.

Krest'yanka (1934) No 11: 14.

Krupskaya N. K. (1933) Kontrol' mass i rabkory [Control over Masses and Worker Correspondents]. In N. K. Krupskaya *Budem uchit'sya rabotat' u Lenina. Sbornik statey* [Let's Learn to Work the Way Lenin Did. A Collection of Articles]. Moscow: Partizdat Publ. Pp. 153–155.

Ladygin N. (1925) Tokarikha [A Woman Turner]. *Rabotnitsa* 7: 4.

Nash zhurnal i ego chitatel'nitsy [Our Magazine and Its Women Readers] (1928) *Rabotnitsa* 1: 16.

Nauchite pisat' v zhurnal [Teach Me How to Write for Magazines] (1932) *Rabotnitsa* 1: 32.

Nodelya V. (ed.) (1934) *Redaktirovanie i massovaya rabota bol'shevistskoy pechati: ucheb. posobie* [Editing and Working with Masses of the Bolshevik Press. A Study Guide]. Moscow: VKIZh Publ. P. 295.

Nyurina F. (1924) Rabkorka [A Woman Worker Correspondent]. *Krasnaya pechat'* 21–22: 4.

Nyurina F. (1924) Pechat' rabotnits i krest'yanok k 7-y godovshchine [Women Workers' and Women Peasants' Press to the 7th Anniversary]. *Krasnaya pechat'* 35: 59.

O formakh svyazi gazet s rabochimi i krest'yanskimi chitatelyami. Postanovlenie Orgbyuro TsK RKP(b) (1924 g.) [On the Forms of Ties of Newspapers with Worker and Peasant Readers. The Provision of the Organization Bureau of the Central Committee of RKP(b) (1924)] (1987) In *KPSS o sredstvakh massovoy informatsii i propagandy* [The CPSU on Mass Media and Propaganda]. Moscow: Politizdat Publ. P. 221.

O kadrakh gazetnykh rabotnikov. Postanovlenie TsK VKP (b) (1930 g.) [On Human Resources of Newspaper Workers. The Provision of the Central Committee of RKP(b) (1930)] (1987) Ibid. P. 255.

O krest'yanskoy pechati. Postanovlenie Orgbyuro TsK RKP (b) (1924 g.) [On the Peasant Press. The Provision of the Organization Bureau of the Central Committee of RKP(b) (1924)] (1987) Ibid. P. 220.

O perestroyke rabsel'korovskogo dvizheniya. Postanovlenie TsK VKP (b) (1931 g.) [On the Reorganization of the Worker-Peasant Correspondent Movement. The Provision of the Central Committee of VKP(b) (1931)] (1987) Ibid. P. 261.

O rabochey pechati. Postanovlenie orgbyuro TsK RKP (b) (1924 g.) [On the Peasant Press. The Provision of the Organization Bureau of the Central Committee of RKP(b) (1924)] (1987) Ibid. P. 218.

O rabote komsomola v oblasti pechati. Postanovlenie TsK RKP (b) (1925 g.) [On Komsomol's Work in the Area of the Press. The Provision of the Central Committee of RKP(b) (1925)] (1987) Ibid. P. 231.

O rabsel'korovskom dvizhenii. Postanovlenie Orgbyuro TsK RKP (b) (1925 g.) [On the Worker-Peasant Correspondent Movement. The Provision of the Organization Bureau of the Central Committee of RKP(b) (1925)] (1987) Ibid. P. 229.

Ob obsluzhivanii pechat'yu zhenskikh trudyashchikhsya mass. Postanovlenie TsK VKP (b) (1927 g.) [On the Way the Press Caters for Female Working Masses. The Provision of the Central Committee of VKP(b) (1927)] (1987) Ibid. P. 245.

Ob ocherednykh zadachakh partii v oblasti rabsel'korovskogo dvizheniya. Postanovlenie TsK VKP (b) (1926 g.) [On the Next in Turn Objectives of the Party in the Area of the Worker-Peasant Correspondent Movement. Provision of the Central Committee of VKP(b) (1927)] (1987) Ibid. Pp. 238–239.

Osnovnye polozheniya o proizvodstvennoy propagande sredi rabotnits [The Main Regulations on Industrial Propaganda Among Women Workers]. (1920) *Vestnik agitatsii i propagandy* 3: 11–12.

Pochtovyy yashchik [The Mailbox] (1924) *Rabotnitsa* 1: 32.

Podsotskaya A. (1928) Ot agitatsii k organizatsii [From Agitation to Organization]. *Kommunistka* 1: 26.

Polyakov A. (1936) «Ordenonosnaya Rabotnitsa» na boevom postu [The Rabotnitsa Airplane Decorated with an Order Is in the Line of Duty]. *Rabotnitsa* 31: 16.

Pel't V. D. (1968) M. Gor'kiy i rabsel'kory [M. Gorky and Worker-Peasant Correspondents]. Moscow: Moscow State Univ. Publ.

Rabotnitsa (1925) No 2: 28.

Ibid. P. 27.

Rabotnitsa (1925) No 24: 8–9.

Rabotnitsa (1926) No 8: 8–11.

Rabotnitsa (1928) No 4: 6.

Rabotnitsa (1933) No 3: 23.

Rabkor i stennaya gazeta [The Worker Correspondent and the Wall Newspaper] (1924) Moscow: Novaya Moskva Publ.

Rabota s rabsel'korami [Working with Worker-Peasant Correspondents] (1959) Moscow: Gospolitizdat Publ.

S. L. (1928) Rabkorka [A Woman Worker Correspondent]. *Rabotnitsa* 47: 11.

Sirota N. (1923) Pochemu ya stala rabkorom [Why I Became a Woman Worker Correspondent]. *Rabotnitsa* 8: 3.

Stal' L. (1925) Nasha pechat' i uchastie v ney rabotnits i krest'yanok [Our Press and Women Workers' and Women Peasants' Participation in It]. *Kommunistka* 3: 24.

Ibid. P. 23.

Stal' L. (1925) O rabote s rabkorami [On Working with Worker Correspondents]. *Kommunistka* 5: 33.

Stal' L. (1925) O rabote sredi rabkorok i sel'korok [On Working Among Women Worker Correspondents and Women Peasant Correspondents]. *Krasnaya pechat'* 17–18: 33.

Stalin I. V. (1947) O rabkorakh: beseda s sotrudnikom zhurnala «Rabochiy korrespondent» [On Worker Correspondents: a Conversation with a Staff Member of the Rabochiy Korrespondent Magazine]. In I. V. Stalin. *Sochineniya. T. 6* [I.V. Stalin. Written Works. Vol. 6]. Moscow. Pp. 261–263; P. 261.

Stroim samolet «Rabotnitsa» [Building the Rabotnitsa Airplane] (1933) *Rabotnitsa* 4: 9.

Tezisy po agitproprabote v gorode, prinyatye na vsesoyuznom soveshchanii zav. Zhenotdelami [Theses on Agitation and Propaganda in Cities and Towns Adopted at the All-Union Meeting of Heads of Women's Sections] (1924) *Kommunistka* 3: 28–30.

Torskaya N. (1927) Na fronte rabsel'korok [On the Front of Women Worker-Peasant Correspondents]. *Kommunistka* 4: 15–16.

Vestnik agitatsii i propagandy (1920) No 3: 25.

Vyshinskiy A. (1925) Pechat', zakon i korrespondenty [The Press, Law and Correspondents]. *Zhurnalist* 1: 4–6.

Za god raboty [In the Course of a Year of Work] (1923) *Krest'yanka* 10: 5.

Zaslavskaya E. (1928) Zadachi zhenskoy pechati [Objectives of the Women's Press] *Kommunistka* 1: 23.

References

Evdokimova E. V. (2020) Zhurnal kak instrument massovogo mediaobrazovaniya tselevoy auditorii i potentsial'nykh avtorov v 1920-e gody (na primere izdaniya «Sibirskiy rabsel'kor) [The Magazine as a Tool of Mass Media Education of the Target Audience and Potential Authors in the 1920s: a Case Study of the Sibirskiy Rabselkor Publication]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya Istoriya, filologiya* 19 (6): 59–69. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-59-69 (In Russian)

Kagan L. (1928) *Rabotnitsa i pechat' (kak organizovat' rabotu pechati sredi rabotnits na proizvodstve)* [A Woman Worker and the Press (How to Organize the Operation of the Press Among Women Workers at the Production Site)]. Moscow; Leningrad: State Publ. (In Russian)

Khuako Z. Yu., Zhade Z. A. (2020) Rabsel'korovskoe dvizhenie sovetskogo perioda v rossiyskoy zhurnalistike kak sotsioistoricheskiy i sotsiokul'turnyy fenomen [The Worker-Peasant Correspondent Movement of the Soviet Times in Russian Journalism as a Socio-Historical and Socio-Cultural Phenomenon]. *Vestn. Adygeysk. gos. un-ta* 2 (259): 73–85. (In Russian)

Minaeva O. D. (2018) *Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki. 1917–1945. Uchebnoe posobie* [A History of Russian Journalism. 1917–1945. A Study Guide]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Safonov D. A. (2015) Rabsel'kory kak yavlenie sovetskoy deystvitel'nosti 1920–1930-kh godov [Worker-Peasant Correspondents as a Phenomenon of Soviet Life of the 1920s–1930s]. *Vestn. Orenburg. gos. ped. un-ta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* 2: 80–91. (In Russian). Available at: http://vestospu.ru/archive/2015/articles/Safonov_D2-14.html (accessed: 12.04.2022).

Shitova A. A. (2017) Rabsel'korovskoe dvizhenie, stennye i «zhivye» gazety 1920-kh gg.: organizatsiya i motivatsiya deyatel›nosti [The Worker-Peasant Correspondent Movement, Wall and Scenic Newspapers of the 1920s: Organization and Motivation of Activity]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 11 (85): 204–208. (In Russian)

Slezin A. A. (2002) Rabsel'korovskoe dvizhenie: neizvestnaya gran' [The Worker-Peasant Correspondent Movement: an Unknown Dimension]. *Vestn. Tambov. gos. tekh. un-ta* 8 (3): 544–548. (In Russian)

Starkova G. I. (2009) Stennye gazety kak forma proyavleniya i sredstvo razvitiya sotsial'noy aktivnosti molodezhi Udmurtii v 20-e gg. XX veka [Wall Newspapers as a Form of Manifestation and a Tool for Development of Udmurt Youth's Social Activity in the 1920s]. *Uchenye zapiski Kazan. gos. un-ta* 151 (5 (2)): 191–201. (In Russian)

Starkova G. I. (2015) Dovoennaya molodezhnaya pressa Udmurtii v kontekste obshchestvennogo dialoga [The Pre-War Youth Press in Udmurtia in the Context of Public Dialogue]. *Vestn Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 66–76. (In Russian)

Veselovskiy A. G. (2012) Deystvennost' rabsel'korovskikh zametok i «signalov» v 1920-e gg. [Effectiveness of Worker-Peasant Correspondent Notes and "Signals" in the 1920s]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta* 7 (111): 65–71. (In Russian)

Veselovskiy A. G. (2013) Pervye shagi rabsel'korovskogo dvizheniya (po materialam tambovskikh gazet pervykh let sovetskoy vlasti) [The First Steps of Worker-Peasant Correspondent Movement: a Case Study of Tambov Newspapers of the First Years of Soviet Power]. *Vestn. Cherepovetsk. gos. un-ta. Filologicheskie nauki* 3 (1): 65–68. (In Russian)

Yakimov O. D. (2008) Rabsel'korovskoe dvizhenie v natsional'nykh regionakh Vostochnoy Sibiri: genezis i transformatsiya [Worker-Peasant Correspondent Movement in the National Regions of Eastern Siberia: Genesis and Transformation]. *Vestn. Yakut. gos. un-ta* 5 (4): 27–35. (In Russian)

Поступила в редакцию
11.01.2022